

«ФИЛАТОВ ФЕСТ» КАК ИСТОЧНИК ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

ВЛАД МАЛЕННО

Девять лет назад я шел в Москве по Ильинке и придумал «Филатов Фест». Хотелось свободно зарубиться с надменными толстожурналистами, которые убеждены, что если поэт умеет со сцены кидать в зал свои слова, то это эстрада и попса.

А если у него во рту каша, он не выходит из комнаты, то это литература...

Гомер выпрашивал у моря гениальные смыслы, выпевал их, играл на себе, как на походной гитаре, Аристофан был отменным поэтом, он кричал и смешил и, кстати, придумал слово из 171 буквы!

Шенспир лицедействовал, Пушкин читал блестяще, Есенин был ходячим театром, являлся сам наним-то загадочным музыкальным инструментом для поэзии, Маяковский великолепно распевал свои гениальные стихи... Что уж там говорить о Владимире Высоцком?

Его друзья-шестидесятники за поэта не считали. Ну, поэт парень, ну, страшно талантливый. Двадцать лет я в Театре на Таганке не груши околачивал! Любимов обожал мои ежедневные выдумки. У меня где-то даже есть его росчерк: «Влад! Придумывай дальше! Не останавливайся! Не обращай внимания на скептиков и лентяев!» Андрей Вознесенский очень любил, когда я ему его же пародировал... Короче говоря, я все это вспоминал во время нашего главного праздника, Большого финала Восьмого открытого всероссийского фестиваля молодой поэзии «Филатов Фест» 30 мая, когда на улице осталось человек двести, которые в зал просто не поместились! И это на поэзию! Господи, думаю, вот где продолжает жить настоящая Таганка! Начаются на люстрах люди, сидят на головах друг у друга, только чтобы услышать новые стихи новых гениальных ребят, которые явили себя с помощью «Филатов Феста»!

Работа была жаркой. Из двух с половиной тысяч заявок члены жюри (а это суперпрофессионалы — критики, литературоведы, писатели, зрелые

прекрасные поэты, такие как Игорь Волгин, Мансим Замшев, Лена Исаева, Александр Вулых, Саша Антипов, Роман Соронин) выбрали 102 счастливцев для длинного списка. И вот уже они сражались в очных турах за выход в полуфиналы, приезжая со всей страны. Кстати, заявки пришли со всего мира, даже одна из Индии! Этим людям, которые стучались в нашу дверь, в пору вручать медаль «За оборону русского языка»!

В финал пробилась пятнадцать сильнейших волшебников-зверей!

Я намеренно не был членом жюри, чтобы эмоциональный фон не влиял на принятие решения. Мое дело было выстроить церемонию так, чтобы это был спектакль, поэтическое действие, продолжение той Таганки, которую никто кроме меня-то и делать больше не умеет. Это не несомненно. Это факт.

И в этот яркий спектакль классно вписались мэтры наши — Дмитрий Воденников, Никита Высоцкий, Ольга Нормухина, Дмитрий Певцов, гениальный пианист Борис Березовский, Константин Недров, Игорь Волгин. А как мне жаль тех, кто не смог в этот вечер пробраться в Дом актера! Передавать атмосферу бесполезно.

Там был тон, реальный электрический. Можно было пол-Москвы питать энергией!

Победа Анны Долгаревой — заслуженная по всем статьям, Аня, на мой взгляд, — это герой нашего времени. Приз зрительских симпатий у Алексея Шмелева. Про него я отдельно хочу сказать. Этот прекрасный поэт стоял у истоков нашего фестиваля, очень много сделал для первого и второго «Филатов Фестов». Потом судьба нас развела по разным углам. И вот он перестал обижаться, говорить ерунду по углам, скромно вернулся, подав заявку, и победил. Молодец Шмелев! И стихи у него великолепные, зрелые. А еще очень важной стала для нас новая номинация «Поющему поэту» — приз имени Владимира Качана, нашего ушедшего товарища, близкого друга Леонида Филатова. Этот приз получил Алексей Вдовин. Один из лучших людей, которые ходят по свету с гитарой.

Финал и стал спектаклем. Здесь главными героями были пятнадцать свободных, красивых молодых волхвов. А Леонид Филатов с экрана улыбался им как-то по-особому в этом году!

Могу еще рассказывать и рассказывать, но лучше посмотреть трансляцию на нашем паблике в «ВКонтакте», это всего не передаст, зато вы точно что-то важное узнаете про наше время, библейское время в полном смысле этих слов. А кому, как не поэтам, о нем рассказывать?

ВЛАД МАЛЕННО

* * *

Все книги превратились в оригами,
Их пальцами разрезал брадобрей.
Мы вынесли стихи вперед слогами,
Как маленьких серебряных зверей.

Мы не в своей тарелке и постели...
Окаменела времени халва.
Поэты, как семь пьяниц на неделе, –
Все разошлись, кто в лес,
кто по слова...

Искали свет с фонариком зажженным,
Похмелье перепутав с ОРВИ,
Но все ни с чем вернулись к спящим женам,
Скурив стихи от фильтра до крови.

Мы смелыми заснув, проснувшись в страхе,
Висел топор над дымом сигарет.
Век двадцать первый, будто парикмахер
Над нами лязгал ножницами лет.

Слова пожухли, как цветов охапки,
И при свободе разлетелись в прах,
А на поэтах загорались шапки
От помыслов в горячих головах.

Давно в сети послушные отары.
Борцы за правду умножают ложь.
Кто знает много, быстро станет старым,
Кто мало, молодым пойдет под нож.

Растет для кольев будущих осина,
В аду живущим обещают рай.
На небе Бог, а на Земле Россия,
Жаль, лестницу мы продали в Китай.

Как говорил мне, улыбаясь, Коля,
Когда с войны поехали назад:
«Мы с одного, брат, ягодного поля,
Но поле заминировано, брат».

Ты всю жизнь говорил о любви,
я не слышал тебя.
Ты с любовью касался меня –
я отдергивал руку.
Не порежся, сынок, о небес цифровые края,
когда будешь ползти по воде к изначальному звуку.

* * *

Зацвела алыча
в небо Крыма – под ним
я несу на плечах
непроявленный нимб.
Не руби сгоряча
мою голову с плеч –
я несу на плечах
своих – млечную речь.
Я тебе не смогу
рассказать на лету
про Венеру в снегу
и Юпитер в цвету.
Я забыл свою суть –
потому и молчу.
Скоро суд. Мне на суд
принесут алычу.

* * *

В апельсиновых рощах холодный туман,
сквозь который к тебе пробираюсь на ощупь...
Что, казалось бы, проще,
когда ты шаман –
пить глазами туман в апельсиновой роще.
Разбуди меня завтра,
создатель игры.
В доме с окнами в сад, переполненный светом,
и верандой – на самой вершине горы,
любоваться на небе вчерашней планетой.
Посмотри, как прекрасен и крепок мой сон –
в нем любимая женщина дарит мне сына.
И глаза у него ярче тысячи солнц,
и какие на ветках висят апельсины.
Я всю жизнь сюда шел – от зари до зари.
Столько раз я себе представлял эту рощу – где-то там...
А она оказалась внутри – прямо в сердце моем.
Что, казалось бы, проще...

* * *

Когда последним снегопадом
укроет Бог страну мою –
погаснет солнце, как лампада,
и станет холодно в раю.
Необъяснимый и нелепый
приобретут в ту пору вид
высоток подмосковных склепы
и частокол надгробных плит,
когда на улицы пустые –
что мы из кухни на балкон,
полупрозрачные святые
сойдут с просоленных икон.
Воздастся каждому по вере,
золою станут города.
И спящий мальчик на Венере
не вспомнит Страшного суда.

* * *

Столько света вокруг –
с непривычки смотри не ослепни.
Пыль прекрасной звезды оседает на теле твоём.
И от этой пыли умирают все мухи и слепни.
Все, кто пил твою кровь и, напившись, кружил над гнильем.
Как красив этот свет.
Ты бы тоже мог стать этим светом.
Но ты слишком тяжёл.
Но грехи тебя тянут к земле.
Ты откроешь глаза и наутро не вспомнишь об этом.
Только пение птиц. Только солнечный луч на столе.

* * *

От горних вершин до земных низин:
повсюду следы наших лап.
Господи, я никудашный сын
и никудашный раб.
Я не умею, как царь Давид,
петь для Тебя псалмы.
Господи, мой непотребен вид,
мысли мои хромы.
Знаю: Твой мир справедлив и прост,
не мыслю о мире ином,

вот только, когда начинается пост,
приходят друзья с вином.
Так и припрямся оравой всей
мы на небесный трап.
Папа, я в гости позвал друзей...
Мы правда тихонько, пап.

АННА ДОЛГАРЕВА

КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРЖСКАЯ

я Ксения, а значит, я Андрей.
могилы нет, и нет тебя в могиле.
живи, ходи под солнцем и старей –
нет смерти, нет червей ее и гнили.

я буду ты, я буду человек,
дитя Господне, розовые щеки,
и этот грязный петербургский снег,
и свет вечерний от небес высоких.

я Ксения, Андрей, ворон сумбур,
и смерти нет, и не было могилы,
и я иду, иду сквозь Петербург
по Ленинграду, Господи помилуй.

* * *

На праздники – пустующий роддом,
охранник кашляет вчерашним перегаром.
Идут волхвы, Азиз и Наримон –
уборщик с санитаром,

к девчонке, у которой только сын,
она одна, и он совсем один,
и больше никого. Азиз смеется:
«Нэ плач. Бери тихонько мандарин».
И он как солнце.

Господь рождается, и славимо Его,
не будет смерти ныне.
и в каждом проявленье – Рождество,
да вот хоть в мандарине.

ДМИТРИЙ ПОПАЗОВ

* * *

Раскроешь рот, позволив облакам
Клевать себя, как птицам из кормушки.
Убийца не стреляет по ногам
Хоть жизнь – игра,
Но, все же, не игрушка.
Я уходил от драк и от погонь,
Бросал людей, кривил душой, в надежде,
Что если вбить молчание в ладонь,
То речь не будет той же, что и прежде.
Раздень меня, раздень и отвлеки:
Что видишь, Боже, в ночь перед побегом?
Ты собственному слову вопреки
Сравнил себя с обычным человеком,
А я, как раз, такой же. Посмотри,
Сошурив глаз, лишенный сна и власти,
Как рвет себя на части изнутри
Твое непреднамеренное счастье.

ЕВГЕНИЙ ДЪЯКОНОВ

* * *

Я встретил постаревшую весну,
За ниточки дождей ее ко сну
Все клонит, клонит...
Где ты, ловкость рук?
Неужто заболела Паркинсоном?
Бесцеремонно ходят по газонам
пигментных пятен стаи и стада,
мутнеет разноцветная слюда
в зеркальных рамах,
и вода повсюду.

Скелеты, зомби или куклы вуду –
печальные ее однополчане,
уже по горло в собственном молчанье,
первостепенный видя в том резон –
планируют свой бархатный сезон.
Шашлык-машлык, диета – не диета,
купальник этот, тот гамак возьми!
И это все в преддверии зимы,
а может, лета.

* * *

Выходишь из кинотеатра,
а жизнь воняет тошнотой,
не важно – Сартра ли, не Сартра,
не важно – с этой или с той

стоишь у входа в синемá,
летят снежинки обреченно,
и черно-белая зима
коварная молчит о чем-то.

Посмотришь в падающий снег
и, словно жертва зимней секты,
вдруг выучишь небесный сленг,
забыв земные спецэффекты,

но одиночества хандра
и однодневности тревога
к тебе опять придут с утра,
а это, если честно, много

для человека... Все, что тут,
и все, что там, прими за данность
и проложи себе маршрут
из снегопада в благодарность.

КОНСТАНТИН КОМАРОВ

* * *

Сквозь мозг, заплывший салом,
проходит напролом
извилистый, как слалом,
озвученный псалом.

Да будет звук тот лаком
душе и ей влеком,
покрытый, словно лаком,
небесным молоком.

И выдохнут гробницы
многоголосый хор,
похожий на грибницы
простроенный простор.

Сольются воедино,
как в единице два,
катрены и картины,
реальность и слова.

И снова монолитной
пронизана тоской
высокая молитва
о низости людской.